

— Дедушка за день может собрать с поля десять цзиней арахиса в скорлупе, из одного цзиня арахиса в скорлупе можно очистить семь лянов арахиса. Бабушка за день может очистить только пятнадцать цзиней. Сколько арахиса очистит бабушка через пять дней и сколько арахиса в скорлупе останется?

Лю Яоцин не стал оправдываться, а сразу задал Лю Цюаньфу вопрос.

Раньше Лю Цюаньфу был уверен, что в доме лучше него считать никто не умеет, особенно когда дело касается выгоды — тут он всегда попадал в точку и ошибок не допускал. Но на этот раз Лю Цюаньфу растерялся: в голове всё перепуталось.

— Ты же знаешь, что это мне не под силу, как тут посчитаешь?

— Бабушка очистит тридцать пять цзиней арахиса, а неочищенного не останется, — Лю Яоцин сразу назвал ответ.

Маленькие хитрости Лю Цюаньфу никогда не шли на пользу делу. Помогать Лю Яоцину вести учет было просто наивной затеей. Семейные финансы всецело находились в руках старика Лю. Лю Цюаньфу, сколько ни изощрялся в расчетах годами, мог лишь помогать ездить в городок к Лю Цюаньюню за деньгами, да и то пытаюсь урвать свою долю.

Лю Яоцин лишь бросил взгляд на старика Лю, и его смысл был понятен без слов.

За ужином Сяо Бао не давал прохода, ворчал:

— Цин-гэр, почему ты не принес вкусняшек? У тебя же теперь есть деньги, почему бы не купить чего-нибудь вкусного?

— Ты сам сказал, что это мои деньги. Так что даже если я куплю вкусняшки, тебе не достанется, — усмехнулся Лю Яоцин.

— Но разве мы не одна семья? — Сяо Бао немного не понимал.

В детстве он казался смышленным и бойким: и заговорил, и пошел раньше других детей. Все вкусности в доме доставались ему. Тогда Лю Яоцин был всего чуть старше Сяо Бао, но никогда не пробовал домашних яиц и мяса. После отлучения от груди он питался за общим столом, из-за нехватки питания его организм постепенно слабел. Теперь Сяо Бао был пухлым, как пенек, а Лю Яоцин — худым и жилистым, с острым лицом.

— А когда ты ел вкусное, почему не думал поделиться со мной?

Сказав это, Лю Яоцин допил кашу из чашки и подозвал Эр Ха, затем достал из кармана два яйца и неспешно начал их чистить.

В последнее время Лю Яоцин часто кормил желтками двух щенков. Старик Лю этого не одобрял, а Ли-ши в начале и открыто, и за глаза его ругала, но Лю Яоцин продолжал делать по-своему. Двух щенков он откормил до того, что они стали круглыми и упитанными, а шерсть их блестела, как шелк.

Сяо Бао знал, что желтки пойдут щенкам, а белок ему точно не достанется, и был немного озадачен.

Его никто не учил делиться. Яйца и мясо в доме всегда были его — разве это не само собой

разумеется?

Покормив щенков, Лю Яоцин пошел в комнату спать. Только забрался на кан, как услышал вой Сяо Бао, и снаружи началась суматоха. Набросив одежду, он подошел к двери и увидел, что у темного курятника Сяо Бао сидит на корточках, прижимая руку — должно быть, плачет.

Старик Лю поспешил к нему, вытащил Сяо Бао из курятника и сказал:

— Сяо Бао, зачем ты полез в курятник?

На ногах у Сяо Бао еще был куриный помет. Оказавшись на свету, он протянул руку — на ней зияли две кровавые дырочки, из которых сочилась кровь. Он застыл, а потом громко заревел: слезы и сопли потекли ручьем.

Старик Лю тоже перепугался, поспешил искать лекарственное масло, глядя на две дырки на пухлой руке внука, сердце у него разрывалось от жалости.

— Там яйца для наседки, чтобы выводила цыплят. Ты пошел воровать яйца, кого же еще курице клевать, если не тебя? — с усмешкой сказал Лю Яоцин и пошел досматривать отдых. Он только что видел, как Ли-ши вынесла из дома яйцо — собиралась, наверное, сварить его для Сяо Бао.

Снаружи Син-гэ еще не ушел в дом. Лю Яоцин в дремоте почувствовал, что прошло много времени, и снова услышал шум. Вскоре Син-гэ прибежал обратно, зевая:

— Тетушка украла и съела яйцо, которое бабушка варила для Сяо Бао. Сяо Бао буянит и не хочет спать, так что бабушка сейчас варит второе яйцо.

— Угу, спи, — тоже зевнув, ответил Лю Яоцин.

Вчера вечером Сяо Бао все же съел яйцо, а Ли-ши возилась до поздна, поэтому утром встала не так рано.

Домашний завтрак еще не был готов, так что Лю Яоцин взял с собой Юй-гэра и Син-гэра и вышел.

У Чжэцзы дома завтрак уже был готов: лепешки с яйцом, немного солений — горячие, мягкие. Запивая горячей кашей, они наелись досыта.

Нанятые работники уже начали печь лепешки. Сюань-гэр делал это лучше и быстрее всех, у него уже стояла небольшая стопка готовых лепешек. Лю Яоцин подошел помочь перебрать их.

Круглые лепешки складывались в сторону. Поскольку они были разного размера и толщины, Лю Яоцин не считал их поштучно, а взвешивал на весах. К каждому заказу добавляли по семь-восемь лепешек сверху, заворачивали в холст и ждали, пока за ними придут торговцы.

Юй-гэр и Су Ци выполняли ту же работу, что и Лю Яоцин: каждый помогал тому, кто пек лепешки — переворачивал их, чтобы они равномерно просыхали, потом складывал, взвешивал, добавлял бонусные лепешки и заворачивал в ровные холщовые свертки.

Син-гэ и Чжэцзы-гэ брали упакованные лепешки и относили в отдельную комнату.

— Аууу...

Снаружи взвыл Эр Ха.

Лю Яоцин как раз стоял у двери, выглянул наружу и увидел нескольких крестьянок из деревни.

— Что там? Эр Ха, назад!

Круглый щенок тут же обернулся и радостно побежал обратно, а Хэйбэй продолжал сидеть у входа, не издавая ни звука, но пристально вглядываясь в женщин.

— Цин-гэр, мы пришли узнать, еще нужны люди?

Спрашивала женщина, которая, судя по всему, готовилась заранее: была одета чисто и опрятно, выглядела смышленной. Лю Яоцин позвал их внутрь, и они зашли, остановившись у порога и заглядывая внутрь.

Печь лепешек — дело простое, Лю Яоцин не боялся, что они будут смотреть. Пусть смотрят, сколько хотят.

— Сейчас заказов не так много, нужно меньше людей. А если заказов станет больше, тогда возьмем, — улыбнулся Лю Яоцин.

— Цин-гэр, а мы можем делать это дома? Не продавать, а для себя, — снова заговорила смышленная женщина.

Лю Яоцин кивнул:

— Можно.

Получив ответ, женщины ушли довольные.

Тут в комнате Сюань-гэр, одновременно печя лепешки, сказал:

— Цин-гэр, а если в деревне тоже начнут продавать лепешки, что тогда? Ведь это твоя идея, если ее так просто перенять, можно много денег потерять.

— Пусть учатся, я же не только на этом зарабатываю, — безразлично ответил Лю Яоцин.

Остальные сразу поняли: у Лю Яоцина есть еще вино «Нектар небожителей». Даже если все в деревне разведут дикую горную ягоду, без рецепта они сами вино не сварят и будут вынуждены продавать ягоды Лю Яоцину.

Пока он держит это в руках, деньги будут.

На следующий день главарь торговцев, не терпеливый, с командой пришел за лепешками. Лю Яоцин воспользовался случаем и сказал:

— Если нет денег, можно зерном менять. Один цзинь зерна за семь лянов.

— Я как раз хотел спросить, Цин-гэр. Тогда я привезу зерно? Оно самого лучшего качества, не переживайте, мы главное — репутацию ставим на первое место, плохим зерном не торгуем.

У торговца как раз скопилось немного зерна, а в лавку сдавать — сильно занижают цену, продать трудно, так что лучше обменять на провизию.

— Ладно, привозите.

Лю Яоцин взял пачку лепешек, а Чжэцзы-гэ так и прихватил огромную стопку.

Лепешек в комнате сразу убавилось на добрую половину. Лю Яоцин забрал оставшиеся деньги и написал после этого заказа слово «Выполнено».

К последующим торговцам Лю Яоцин отнесся так же: можно менять зерно на лепешки, но зерно должно быть хорошим, если старое — чтобы без жучков, камней и тому подобного.

Заказы выполнялись один за другим, новые торговцы, узнав об этом, тоже приходили. У кого были готовые лепешки — уезжали с полными руками. Постепенно у Лю Яоцина появились и зерно, и деньги.

В деревне немало семей перемалывали зерно и пекли лепешки, хранили их в больших чанах, ели по необходимости.

Работая в поле, не хотелось возвращаться домой обедать, брали лепешку, заворачивали в нее яйцо или соленья, запивали водой — еда была почти как дома. А иногда отправлялись в городок, жалели денег на еду, брали пару лепешек, проголодаются — грызут одну, это все же лучше, чем холодный маньтоу.

Сейчас заказов было мало, остальные женщины, получив плату, ушли по домам. Один только Сюань-гэр продолжал помогать. У него дома дел мало, Лю Шуйхэ обычно работает на стороне, бабушка У сама о себе позаботится, чужая помощь не нужна.

Лю Яоцин хотел выдвинуть Сюань-гэра, считал, что человек он непростой и решительный.

<http://bllate.org/book/16688/1531821>